

Памяти Бориса Бараша. Об экологическом мировоззрении в психотерапии и консультировании: вчера и сегодня

Трудно поверить, что 27 октября будет уже одиннадцать лет со дня гибели Бори Бараша. В то же время, сохраняется до сих пор ощущение диалога с ним и его присутствия во многом, что делаем мы, знавшие его. Остались в памяти его легкий и светлый юмор, личностное обаяние, многогранность и широта эрудиции, ясность и аналитичность мысли и способность придавать целостность, казалось бы, трудно соединимому

— как в себе, так и вокруг себя.

Иудей по происхождению и протестант — по личному выбору; врач и тонкий психолог; психотерапевт, стартовавший в психодинамике и открывший нам краткосрочную психотерапию; петербуржец, тесно связанный с Прибалтикой — он легко откликался и был созвучен каждому из нас — питерских, московских, литовских и эстонских психологов, — был во многом нашим связующим звеном, укреплял нашу общность. Как энтузиаст краткосрочной позитивной терапии, он был удивительно ей соразмерен — не декларировал, а реализовал ее идеи, легко и свободно делаясь ими. Были в нем личностная и техническая пластичность, способность к партнерству и умение не перемудрить, а вовремя включить игру, шутку, сохраняя при этом уважение как к клиенту, так и к адаптивной роли симптома. Естественность и спонтанность, с которыми он реализовал идеи позитивизма, подкреплялись его профессиональной эрудицией, рефлексией и умением увидеть перспективу происходящего в современной психотерапии. Осмысляя специфику идей психотехнологической волны, отличающую ее от классической психотерапии он, в сущности, приблизился к пониманию основных тенденций современного терапевтического мировоззрения в целом. Поскольку прошло уже больше десяти лет со времени его последней публикации, а со сменой эпохи и границ государств изменился не только стиль жизни людей, но и их жизненные ориентиры и менталитет в целом, что не могло не отразиться на ходе развития и задачах нашей профессии, поэтому хочется посмотреть на идеи Бори о специфике новой терапии в современном нам контексте. Помогает это сделать и накопленный за годы после его ухода опыт практической работы.

По мнению Бориса [2], специфику новой психотерапии отражали три основных принципа, способствующих реальному повышению эффективности психотерапии: позитивизм, прагматизм и экологизм. Позитивизм он понимал как принципиальную нефиксацию негативного опыта клиента и умение сосредотачиваться в работе на ресурсах и позитивном опыте человека, а не на коррекции его недостатков. Прагматизм видел в «принципиальном антиконцептуализме», т.е. в умении не ограничивать видение

индивидуальных особенностей человека теоретическими концепциями и схемами, а использовать все, что помогает пациенту. Экологизм определял как «системный подход, способствующий прочтению проблемы клиента в контексте развития систем, в которых он существует». Подходить экологично — значит «подчеркивать природную мудрость организма, социальной и экологической систем, что разрушает ореол мудрости и всемогущества психотерапевта» [2, с. 56]. По мнению Бори, экоцентризм заменил в новой психотерапии эгоцентризм, присущий классическим подходам, где пациент в процессе терапии по сути изолируется от микро- и макросоциальной среды. На мой взгляд, экологизм, как системный подход, является ведущим среди этих трех принципов и во многом задает контекст реализации позитивизма и прагматизма, поэтому, говоря о последних двух принципах, я ограничусь лишь короткими комментариями и ссылками на исследования коллег, уделивших им много внимания в связи с процессами интеграции и гуманизации, происходящими в психологии и психотерапии. В дополнение идеи позитивизма хочется сослаться на статью Виктора Кагана [5], дающую развернутое представление о процессах гуманизации всей современной психологии и психотерапии, приведшим к смене клинической парадигмы на психологическую и к сближению ожиданий к особенностям личности и стилю специалиста, к смыслам и целям работы в терапии и консультировании. Возможно, что Борис именно эти изменения и имел в виду, говоря о приближении четвертой революции в психотерапии [5, с. 57]. Наличие этих глобальных процессов гуманизации психотерапии, давших право на жизнь теплоте, личностному контакту с клиентом, а также искренности и самораскрытию терапевта даже в неопсихоанализе (M.Gill, H.Kohut) подтверждают также работы западных исследователей [3; 6]. Благодаря этим процессам не только в позитивной терапии, но и в большинстве современных терапевтических направлений отмечается сейчас ресурсное видение проблем клиента и основ развития человека в целом [7]. Прежнее понимание позитивизма, в связи с усилением психологической парадигмы и ограничением клинической, направленной на диагностику и коррекцию недостатков, переросло в принцип «развития человека как неделимой целостности и оптимизации его индивидуального бытия, сконцентрированного на настоящем, открывающем дорогу в будущее, а не на прошлом, во имя возврата к бывшей норме» [5, с. 118]. В то же время, многие современные психотерапевты не разделяют идею «принципиальной нефиксации негативного опыта», о которой писал Борис поскольку игнорирование значимости осмысления страданий, может спровоцировать избыточный «ура»-оптимизм, выхолащивание ценностей и поверхностность личности. О печальном историческом опыте такого ложного оптимизма в России, спровоцированного атеистической идеологией, обесценившей не только страдания и смерть человека, но и его жизнь в целом, приведшей к утрате смыслов, ломке мировоззрения нации и волне агрессии в погоне за материальными ценностями, пишет основатель первого российского хосписа профессор Андрей Владимирович Гнездилов [4]. Ортодоксальное утверждение ценности человеческих страданий и их огромный потенциал для духовного и душевного роста личности ему удалось доказать своим тридцатилетним опытом работы с онкологическими больными, описанным в его докторской диссертации и книгах. Основатель литовской психотерапевтической школы, доктор Александр Ефимович Алексейчик, как и профессор Гнездилов, считал, что для человека, выросшего в культурном контексте православных ценностей, или верующего боль и страдания могут служить источником сострадания, смысла, жизненной силы и мудрости,

быть «измерением любви». «Боль в психотерапии... — боль благодатная.

Предупреждающая, «иммунизирующая», стимулирующая, объединяющая, исцеляющая... Думаю, что объективная негативность — явление необходимое. Но еще более необходимы в нашей работе положительные восприятия, чувства... положительные идеи и опыт... Говоря более «абстрактно» — любовь, в первую очередь к себе, к своему, к ближнему...» [1, с. 116–117]. Так что боль и любовь неразделимы в истинной, целостной психотерапии. Представления о том, что опасно и разрушительно лишь бессмысленное страдание, а страдание осмысленное, особенно подкрепленное верой и любовью — очищает, укрепляет дух и способствует удивительному росту души, — характерны для российской духовности (Толстой, Достоевский, Ильин, Шестов). Аналогичное отношение к принятию и осмыслению негативного опыта характерно и для мировоззрения экзистенциальной и гуманистической школ. Таким образом, позитивистские установки не исключают работы со страданием, а могут рассматривать его как ресурс развития личности, если это адекватно типам менталитета клиента и терапевта, т.е. экологично их культурной специфике. Принцип прагматизма в современной психотерапии и консультировании можно скорее рассматривать не под лозунгом «антиконцептуализма», как формулировал Борис, а в контексте интегрированной «трансметодичности» (термин, введенный Виктором Каганом в 1996 г.) или концептуально-методического, фокусированного на клиента эклектизма. Методическая сторона терапии и консультирования стала в первую очередь определяться стремлением сохранить неделимую целостность человека или выйти к ней путем совместных с клиентом усилий, привлекая, в том числе, накопленный им практический опыт. «Психотерапевтический процесс сам стал исследовательской лабораторией, в которой «все больные — люди... где мы обращаемся к промыслу бытия, а не к функционированию, фокусируемся на процессе, а не на методике... Интеграция в психотерапии — это поиск общего в различном, а не механическое соединение... методов. Таким общим моментом видится трансметодичность. Предлагая этот термин, мы имеем в виду... представление о психотерапии как о прохождении через разные методические пространства в поиске и подготовке целительного момента терапевтического транс...» [5, с. 118].

«Трансметодичность облегчает видение... психотерапии в широких контекстах человеческой жизни и культуры... и ей чуждо конфликтное противопоставление старой и новой (или академической и гуманистической) психологий: в ней реализуется идея отрицания отрицания, выход к интеграции и гуманизации в динамике, т.е. в историческом аспекте накопления психологического и психотерапевтического опыта» [5, с. 121]. В его емких и точных формулировках словно слышится переключка с мыслями академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, писавшего о том, что для обретения и создания новых культурных ценностей «необходимо знать их происхождение, процесс их созидания и исторического изменения — заложенную в них культурную память. Создание нового не может осуществляться без освоения старых культурных ценностей, введения их в культурный обиход современности...» [8, с. 266]. В сущности, в этом же и мысль Виктора Кагана: переосмысление и интеграция старого опыта помогает психотерапии занять достойное место в человеческой культуре, а профессионализм делает синонимом интеллигентности. Таким образом, можно считать, что обладание

живой этно- и общекультурной памятью и способностью к творческому переосмыслению, а не отбрасыванию старого, в контексте психотерапевтической культуры — это законы создания ценностных отношений, тонизирующих развитие как клиента, так и терапевта, а также и психотерапевтической культуры в целом. Говоря о культурно-историческом аспекте трансметодичности, Виктор Каган, по сути, вводит нас в экологическое пространство психотерапии.

В подтверждение мысли о значимости культурно-исторического контекста при подборе методов хочется напомнить метафору Александра Ефимовича Алексейчика [1] о чеховском тарантасе, вырастающем из оглобли на родной российской почве, который гораздо более годится для местных ухабов, чем заграничный лимузин, т.е. практичен и уместен, или, в нашем контексте — экологичен и экотехничен. Вот на этом тарантасе мы и добрались до принципа экологичности, который заслуживает особого к себе внимания своей целостностью, разносторонностью и тем, что рассматривался он чаще всего только по отношению к клиенту. Борис, возможно, просто не успел достаточно развить идею экологичности в своих текстах, но своим стилем работы и тем, каким он был — сумел оставить нам много подсказок. Отдельные намеки на многозначность контекста «экологичности» можно найти в его последней статье, где он указал на появление экологических («космологических») установок в психотерапии благодаря трансперсональной ветви гуманистической психологии [2, с. 52]. Подвижниками экологичности терапевтической работы, как показывают уже приведенные выше цитаты, являются А.Е. Алексейчик и В.Е. Каган, чьи идеи оказались особенно важны нам в попытке исследовать и систематизировать особенности экологического мироощущения в психотерапии, необходимого для подготовки эффективных психологов-практиков. 1. Разговор об экологии в психотерапии начнем с определения ее контекстов, наиболее значимых для нашей работы. Само понятие «экология», обычно относимое только к природному окружению человека, в нашем случае мы рассматриваем в контексте его культурно-человеческого окружения. Правомерность такого понимания экологии основывается на работах академика Лихачева, впервые предложившего термин «гомосфера» (человекоокружение) в 1989 г.: «Экология не должна замыкаться только задачами сохранения окружающей нас биологической среды. Человек живет не только в природной среде, но и в среде, созданной культурой его предков и им самим — «гомосфере». У каждого народа помимо общей гомосферы — гомосферы человечества, существует и своя, присущая ему гомосфера, со своей национальной спецификой, свои источники обогащения общей гомосферы... Поэтому можно говорить... и об «этногомосфере» [8, с. 266]. «Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда не менее необходима для его духовной, нравственной жизни, для его «духовной оседлости», привязанности к родным местам, следования заветам предков, для нравственной самодисциплины и оседлости... В экологии есть два раздела: экология биологическая и экология культурная, нравственная» [9 с. 149–150]. Наверное, не нужно доказывать, что экология культурная, способствующая видению этнического своеобразия, главных жизненных систем и смыслов человека особенно тесно связана со спецификой задач психотерапии и консультирования.

Поскольку психотерапия и консультирование сами являются частью культуры, т.е. гомо- и этногомосферы, то они должны подчиняться общим законам ее

функционирования и создания культурных ценностей. Сказанное относится не только к психотерапии как к области творческой деятельности в целом, но и к каждому отдельному акту работы — т.е. к контакту с клиентом, к созданию такого процесса терапевтического взаимодействия, в котором могут рождаться новые жизнеспособные ценности. Александр Алексейчик писал о «нашей (славянско-евро-азиатской) психотерапевтической почве» и о том, что именно в ней огромные наши преимущества и потенциалы эффективности в терапии — спонтанность, целостность, глубина, душевность, духовность и истинная соборность. Но отмечал он и то, что, «к сожалению, пользоваться этими преимуществами мы не умеем... Фатально недооцениваем... уникальность личности, ее «почвы», «культуры» [1, с. 113–115] Актуальность экологических задач в нашей работе можно подтвердить также ссылкой на известного петербургского социолога Юрия Пахомова, который на фоне глобальных социально-экологических проблем и угрозы самоуничтожения человечества видит перспективы развития системы «человек-общество-природа» третьего тысячелетия в формировании живущего в гармонии с людьми, природой и с собой цельного и самореализующегося экокочеловека. По его мнению, «использование традиционных парадигм развития, основанных на человеческой исключительности... уже привело... к необратимому истощению как природных, так и людских ресурсов» [10, с. 75]. Формирование нового типа личности, с развитым экологическим менталитетом, должно включать: «сохранение и разумное использование традиций и культурных достижений предшествующих поколений; развитие способности к адаптации к изменяющейся современной социальной... и экологической ситуации; поиск смысла своего существования и деятельности, определенный прогностицизм — т.е. целостность мировосприятия как в пространственно-временном, так и в духовно-деятельностном аспектах» [10, с. 82] 2. Часто консультанты, разделяя принцип экологичности и используя его в работе с клиентами, недооценивают его значимость для самих себя. В то же время, один из постулатов современной психологической парадигмы в психотерапии состоит в том, что залогом эффективности терапевтического влияния является личность специалиста, его умение «работать собой, а стало быть, неизбежно, и с собой» [5, с. 119].

Последнее особенно трудно, учитывая специфику непредсказуемых, мятущихся, способных на озарения и провалы, любовь и вражду, амбиции и самобичевание душ наших психологов. Сформулируем три главных тезиса, особенно важных для экологичной личностной подготовки специалистов-консультантов:— осознавать роль влияния личностного своеобразия, индивидуально-неповторимого имиджа специалиста. Напомним высказывание Томаса Манна, что «стандартное, ординарное оставляет равнодушным, а запоминается и оставляет свой след только индивидуально-своеобразное». Поэтому при подготовке специалистов сферы «человек-человек», работающих в актуальных условиях избытка стандартизованных приемов и методик, особенно необходимо разрабатывать индивидуальный стиль консультантов, развивать их способность опираться на сильные стороны своей личности и купировать ее дефициты;— учитывать влияние консультанта как своего рода «модели» для клиента, т.е. как носителя передаваемых им ценностей. В данном случае мы исходим из принципа, опирающегося на библейскую истину, адресованную врачам (и часто цитируемую А.Алексейчиком): «Исцелись сам, и вокруг тебя спасутся тысячи». В

контексте консультирования это означает необходимость для консультанта не только овладеть методами и навыками для передачи их другим, но и адаптировать их к своему жизненному опыту, убеждаться в их эффективности. Т.е. учиться в первую очередь самим быть эффективными;— такая способность консультанта к «самоисцелению» опирается обычно на способность быть собой, развитие доверия к себе и к природной мудрости своего организма (о последнем писал и Борис). Это доверие проявляется как в способности к адекватному и реалистичному восприятию и оценке окружающего и собственных желаний, состояний, возможностей, так и в наработке своих индивидуальных способов интеграции с социокультурным окружением. По сути, эффективный консультант преодолевает зависимости, становится более свободным и способным жить свою жизнь, «самореализоваться» в контексте своих запросов и ценностей, проявлять видение не с позиции исключительности своей роли, а в собственно человеческом статусе, добровольно отказываясь от ореола «всемогущества», т.е. сам становится «экочеловеком».3. Видение отношений психолог-клиент в его сущностном аспекте человек-человек предполагает, что для психолога-консультанта особенно важной становится его включенность в социальный и общекультурный контекст, осознанность смыслов и целей в своей собственной жизни. Еще тридцать лет назад Ролло Мэй предлагал будущим психотерапевтам сосредотачиваться на изучении не столько психологии, сколько «искусства и гуманитарных наук, поскольку именно там можно найти те мифы и символы, с помощью которых каждое время осознает и описывает себя». Зачастую консультанты в своей работе абстрагируются от особенностей культурного контекста применяемого метода, а также и от специфики культуры клиента. Поток технологий, захлестывающих консультирование в наши дни, может провоцировать их дилетантское применение, т.е. использование методов без апробирования эффекта их воздействия на себе и без адаптации их к актуальным условиям жизни. Как известно из опыта психологического консультирования, такое заимствование чужих «метанавыков» — или сконцентрированного в конкретном приеме жизненного опыта его автора — дает, в лучшем случае, только ситуативный эффект.

Применение технологий без предварительного включения их в свой жизненный опыт и стиль без последующей их привязки к специфике жизнедеятельности, к запросу и личности клиента может привести к эффекту «психологической глобализации» или обезличивания.4. Реализация толерантности, взаимоуважения и свободы предполагает совместимость жизненных смыслов терапевта и клиента, или, иначе говоря, совместимость социокультурных контекстов используемых психологических концепций, методов и ценностей консультанта и клиента. Говоря словами доктора Алексейчика, «психотерапия должна быть иммуносовместимой» [1]. Сохранение целостности логики развития жизненных миров клиента и терапевта становится возможным, когда организация психотерапевтического пространства (выбор методов, стиля, содержательных, ценностных акцентов, путей к выздоровлению) осуществляется по образу и подобию жизни обоих участников, вписывается в их социокультурную и биологическую экологию. Иначе говоря, процесс и результат терапии не будет отторгнут как чужеродный и искусственный только в том случае, если все происходящее в процессе терапии будет восприниматься ее участниками на уровне «быть, а не делать». Передача опыта эффективности возможна, таким образом, при наличии

совместимости социокультурных контекстов, ценностей и ожиданий консультанта и клиента. Признаком совместимости служит, в первую очередь, проявление интереса и уважения к личности, культурным корням и запросам партнера по диалогу.

Лозунг «клиент — наш пан», вошедший в профессиональное консультирование с легкой руки А. Алексейчика, предполагает идею служения интересам клиента, не поступаясь при этом принципами морали и профессиональной этики. Такое служение не означает однозначного принятия консультантом тех запросов клиента, которые противоречат его нравственным или профессиональным ценностям. Возможные проявления клиентами авторитарной зависимости и ожиданий на получение готовых рецептов порой провоцируют консультантов на избыточную авторитарность стиля и в результате этого приводят к директивным деформациям на личностном уровне. В случае, если запросы клиента несовместимы с морально-этическими и профессиональными ценностями консультанта, а также с ориентирами демократического общества, мы можем обсудить с клиентом цену его запроса с учетом его жизненных перспектив в условиях данной культуры и помочь ему в последующей переформулировке запроса. В противном случае, такого типа расхождения могут стать основанием для прекращения консультирования. Уважение ценности личности и культурного контекста клиента помогает обойтись без использования авторитарности в преодолении узости его запросов благодаря ориентации в работе на перспективы его развития. Совместимость культурных контекстов клиента и консультанта также обычно усиливает влияние образа консультанта как модели продуктивного поведения и снижает его энергетические затраты на достижение результатов консультирования. 5. Помимо внутриличностных предпосылок, очень важным аспектом экологичности является организация целебного межличностного взаимодействия, т.е. самого консультативного контакта. Экологичность терапевтического взаимодействия является основой неспецифического целебного эффекта, в котором истинной «моделью» или «лекарством» становятся не столько предлагаемые знания и приемы или статус и ореол роли специалиста, а сила и целостность его личности и способность выстраивать здоровые, жизнеспособные и осознанные отношения с клиентом. Поэтому, проводя терапию или консультирование, необходимо не столько обучать опыту эффективного поведения, но, прежде всего, реализовать свой опыт и межличностную успешность в конкретном контакте с клиентом. Напомним один из известных принципов педагогической эффективности: «хватит говорить — показывайте!» Сошлюсь в этом контексте на высказывание доктора Алексейчика о том, что способность наших психотерапевтов к неспецифическому душевному отклику на проблемы клиента «может оказывать гораздо большее целебное, уравновешивающее действие, чем массивные, совершенные, отработанные методики западных коллег» [1, с. 115]. И — его же риторический вопрос: «Обучать общению или любви?» Эффективность терапевтического или консультативного взаимодействия находится, таким образом, в прямой связи с экологичностью отношений. Это проявляется в том, что две жизненные целостности способны найти адекватные средства для диалога друг с другом, для создания отношений, становящихся частью жизни обоих и приводящих к «выздоровлению». Экологичная атмосфера толерантности и диалогичности проявляется в способности консультанта не только обучать клиента, считая правым только себя, но и учиться у него, открывать через него новые способы видения жизни.

Такое проявление терпимости и готовности учиться самому часто является проявлением мудрости и личностной зрелости специалиста. Контакт, предполагающий взаимный обмен опытом, бывает особенно эффективным, поскольку снижает сопротивление клиента авторитетному воздействию за счет возможности более полно проявить себя, а также закрепить свой позитивный опыт самостоятельности и субъектности. В таком, диалогическом по своей сути, контакте осуществляется принцип истинной свободы, когда, исходя из определения Мамардашвили, свобода консультанта (делиться опытом, обсуждать, выражать себя) упирается в свободу клиента (делать то же самое) и видит ее своим условием. Толерантность консультанта и уважение свободы клиента проявляется также и в том, что консультант уважает право клиента принимать свое решение, не навязывает ему своих ценностей и идей и не посягает на оценку личности клиента, особенностей его культуры и ценностей. Атмосфера диалогичности и продуктивный характер контакта часто оказывает дополнительное целебное влияние на клиента — усиливает впечатление опытности и уверенности консультанта, вызывает большее доверие к предлагаемым им знаниям, т.е. обеспечивает лучший эффект воздействия. В случае психотерапии это становится возможным при условии проявления жизнеспособности и истинной целостности терапевта, способного на «риск причащения к болезни» клиента, частичного заражения ею и на поиск путей выздоровления. Психотерапевт становится, таким образом, не только проводником, но и моделью на пути к душевному здоровью.⁶ В вопросах экологизма чаще всего упускается из виду взаимность влияний консультанта и клиента, что делает нас частью экологии друг друга. Сосредотачиваясь на жизненной среде клиента, мы порой забываем о том, что не только мы сами влияем на него, но, соответственно, впускаем его и в свою собственную жизнь. Консультант, как и клиент, задействует в процессе работы целостность своих жизненных систем и подвергает свой мир его влиянию. «Отсюда понятно одно из положений психологической парадигмы: психотерапия требует мужества. В ней терапевт открыт в диалоге с клиентом, границы его индивидуальности проницаемы, он не защищен мифом о делении людей на «здоровых» и «больных», и размывание границ прямо угрожает его... личной сохранности...» [5, с. 119]. Такие профессиональные деформации, как «подсознательное инфицирование негативными эмоциями» (К. Юнг) или заражение пессимизмом клиентов, инертность профессиональной роли, избыточная рационализация — за счет нехватки спонтанности и способности «быть», а не «делать» — очень часто вытекают из недооценки клиента и его влияний на личность консультанта. Запрос к профессионализму предполагает, таким образом, выработку жизненного стиля, несущего в себе потенциал здоровья для клиента и позволяющего самому терапевту многократно «выздоровливать» от той «подсознательной инфекции», которую несут в себе пессимизм, неверие, страхи и боль клиентов.

Профессиональная психопрофилактика для терапевта — это поиски и реализация своих путей выхода к состоянию истинности и бытия, к наращиванию потенциалов жизнеспособности, способных защитить от профессиональных деформаций и сгорания. «Искусство быть живым» — одно из главных отличительных признаков профессионала, способного выбирать между «мертвым» (чужеродным, искусственным, псевдо) и «живым» (своим, настоящим) как в работе, так и в жизни, и уметь принимать это живое, даже если оно несет боль.⁷ Подводя итоги сказанному, можно прийти к трем основным выводам о предпосылках результативности терапевтического

воздействия:- терапевт воздействует не столько знаниями и методом, сколько собой, и может быть эффективным, если сам несет в себе основы душевного здоровья, жизнеспособность, целостность, человечность и истинность своего бытия, готовность и способность выздоравливать;- терапия может состояться при условии совместимости образов бытия клиента и терапевта, при возникновении их взаимного притяжения и диалога смыслов культур, к которым они принадлежат;- стойкость результатов терапии зависит от того, насколько само терапевтическое пространство по истинности своего содержания и характеру взаимодействия терапевта и клиента совместимо с его обычной жизнью и может служить прообразом решения жизненных задач клиента. Если говорить о практическом выходе проделанного исследования специфики профессиональной экологии, то оно помогло разработать систему подготовки и психопрофилактики для психологов-консультантов и — как ее интенсивную форму — программу группы «Сакральные корни терапевтического со-бытия» для личностного и культурного самоопределения психологов в мультикультурной среде и для раскрытия их терапевтических потенциалов. Еще раз возвращаясь к мысли Бориса о приближении четвертой, по его словам, революции в психотерапии, могу сказать, глядя на происходящее в нашей профессии из своего социального, профессионального и личного сегодня, что процессы ее развития похожи скорее не на революцию, в очередной раз отрицающую и ниспровергающую все до нее созданное, а на слияние многих разных источников в единое терапевтическое (а хотелось бы — душевное и духовное) пространство. Оно, как океан, динамично, изменчиво, полно разных течений, приливов и отливов, непохоже в разных широтах и в тоже время — целостно в своей сущности и может помочь нам своей многоликостью найти себя и жить в ладу с этим стремительно меняющимся миром, если сумеем быть людьми, способными ценить и беречь данное нам природой и культурой.

Литература:

1. Алексейчик А. Восхождение на вершину // Московский терапевтический журнал. 1993. № 4.
2. Бараш Б.А. Третья революция в психотерапии // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 1993(2).
3. Бьюдженталь Дж. Искусство психотерапевта. СПб.: ПИТЕР, 2001.
4. Гнездилов А. Путь на Голгофу: Очерки работы психотерапевта в онкологической клинике и хосписе. СПб.: КЛИНТ, 1995.
5. Каган В.Е. Психология и психотерапия: гуманизация и интеграция // Психология с человеческим лицом: Гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д. Леонтьева, В. Щура. М.: Смысл, 1997.
6. Кан М. Между психотерапевтом и клиентом: новые взаимоотношения. СПб.: Б.С.К., 1997.
7. Коттлер Дж. Совершенный психотерапевт. СПб.: ПИТЕР, 2002.
8. Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет (О культуре). Сов. писатель, Ленинградское отделение, 1989.
9. Лихачев Д.С. Письма о добром (Память культуры). СПб., 1999.10. Пахомов Ю.Н. Формирование экокочеловека. Изд. во СПб. ун-та, 2002.

Автор: Миккин Х. (Эстония)